

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже не вызывает сомнения, что финансово-экономический кризис в Восточной и Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и высокая устойчивость по отношению к нему китайского хозяйства, с другой, означают крупное изменение в соотношении сил в мировой экономике и политике. Меняются, причем весьма резко, и многие привычные представления о факторах, лежащих в основе хозяйственных успехов наций. Сдвиг в их понимании после кризиса зачастую больше напоминает модернизацию и корректировку накопленных ценностей, чем прорыв в будущее.

"Открытая экономика - это непременно такая экономика, в которой внутренние цены приближены к ценам мирового рынка. Открытая экономика предполагает также свободное перемещение не только товаров, но и услуг, капитала, рабочей силы...Мир движется в сторону открытых экономик. В этом направлении идут и страны Юго-Восточной и Восточной Азии", - отмечает в своей недавней книге профессор С.А.Былиняк²⁰⁴.

Развитие Китая в последнее десятилетие и особенно его нынешнее положение в мировом хозяйстве отличается существенным образом от траектории, представленной в указанной точке зрения.

Прежде всего выясняется, что Китай в отличие от своих восточноазиатских соседей не вполне вписывается в известную схему о ступенчатом переносе извне специализированных трудоемких производственных стадий и процессов в следующие

²⁰⁴ Былиняк С.А. Адаптация к мировому хозяйству: опыт Азии и российские проблемы. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С.94.

одна за другой волны "новоиндустриальности". В КНР преобладает ориентация на внутренний рынок, создание собственного производства с относительно замкнутым в национальных границах циклом. Кроме того, в ходе кризиса в тихоокеанской Азии в 1997-1998 гг. серьезные нарушения произошли в привычном разделении труда, связанном с особой ролью Японии, и в ходе, как казалось некоторым исследователям, неуклонной либерализации в АСЕАН. Между тем эти механизмы и тенденции вплоть до недавнего времени многими расценивались как важнейшие условия углубления международной кооперации во всем "интегрирующемся" Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Не обнаруживает в последние четыре года тенденции к росту и доля внешней торговли в ВВП КНР. Более того, она снижается - как при расчете по валютному курсу, так и при более адекватной действительному значению внешних факторов в хозяйстве калькуляции по паритету покупательной способности. В результате оказывается под сомнением и привычный тезис о том, что "во всех более или менее преуспевающих странах доля ВВП, реализуемая через каналы международного экономического обмена, имеет четко выраженную тенденцию к росту"²⁰⁵.

Статистический материал второй половины 90-х годов не подтверждает, помимо этого, и расхожего представления о стремительно растущих диспропорциях в экономическом развитии Китая. Во-первых, остаются вполне конкурентоспособными так называемые старые экономические центры. Во-вторых, наметился

²⁰⁵ Эльянов А. Индустриализация развивающихся стран в интерьере мирохозяйственных связей и Россия// Мировая экономика и международные отношения. 1999. ¹ 2. С. 14.

ускоренный экономический рост в ряде внутренних провинций, а в некоторых прибрежных регионах переломилась долговременная тенденция к росту их доли в ВВП. Частью этого процесса можно, по-видимому, считать и продолжившийся в первой половине 1999 г. кризис в реальном секторе экономики Сянган, финансовые проблемы ряда провинциальных гуандунских компаний и т.п.

Китай в 90-е годы поглотил огромную массу предпринимательского капитала, сопоставимую с объемом, поступившим в страны Юга, Востока и Латинской Америки вместе взятые. Освоение этого капитала в КНР значительно отличается от обычных схем: оно идет главным образом в форме совместного предпринимательства при жестком контроле за предприятиями изнутри и извне; зарубежные инвестиции, в том числе в ходе локализации ("гочаньхуа" - модернизированный вариант "опоры на собственные силы"), как бы растворяются в народном хозяйстве гигантской страны. В нем прекращает "свободное перемещение" значительная часть объема капиталов и услуг, представленного мировой экономикой в 90-е годы. Происходит их адаптация к условиям КНР, китаизация.

Вряд ли нужно широко использовать термин "интеграция", говоря о взаимодействии Китая с мировой экономикой. Этот термин, скорее, характеризует связи КНР с Сянганом и Макао (с которыми интеграция во многом состоялась), а если говорить о будущем - возможно, с Тайванем (хотя здесь высокая степень интеграции двух хозяйств необязательна).

Неправомерность широкого использования понятия "интеграция" вытекает еще из одного обстоятельства. В этой и других работах автора была показана исключительно высокая роль

внешней политики в мирохозяйственной стратегии КНР, их тесная взаимосвязь. Соответственно, согласуются теоретические подходы, принципы, понятия. "Интеграция" же в концептуальном и смысловом плане во многом противостоит китайскому представлению о многополярности современного мира, актуализированном в последние полтора десятилетия и родившемся в том числе и из наблюдений Пекина за ходом развития мировой экономики в послевоенный период. Поэтому применительно к отношениям хозяйства Китая с мировой экономикой уместней употреблять слово "адаптация". Масштабы "интернационализации" китайского хозяйства также не стоит преувеличивать - вспомним описанный в работе "парадокс Сянгана": "иностранные" инвестиции в значительной своей части, строго говоря, таковыми не являются. В конце десятилетия усиливается избирательность китайской экономики в отношении зарубежных прямых капиталовложений, в 1998-1999 гг. наметилась тенденция к сокращению масштабов их нового притока в страну - в том числе из-за противодействия со стороны национальных предприятий Китая, а также совместных компаний, давно закрепившихся на китайском рынке. Похоже, что нынешняя фаза взаимодействия этой страны с иностранным предпринимательским капиталом может быть охарактеризована как насыщение. Поэтому, в частности, не вполне правомерны следующие выводы: "В настоящее время Китай превратился в гигантскую губку, жадно поглощающую значительную часть международного движения прямых предпринимательских инвестиций"²⁰⁶. Стоит также заметить, что,

²⁰⁶ Lommen Y.F., Tonchev P. China in East Asia: From Isolation to a Regional Superpower Status. Athens: Institute of International Economic Relations,

согласно некоторым исследованиям, современный уровень прибыльности предприятий с иностранным участием в КНР весьма невысок - 3,1%²⁰⁷.

Отношение к новым прямым иностранным инвестициям, кстати, меняется не только в Китае. Некоторые исследовательские организации отметили в 1999 г. нарастание (по сравнению с предыдущим годом) дискриминации в отношении иностранного предпринимательского капитала в большинстве стран и территорий ЮВВА, включая КНР, Тайвань и Сянган. Лишь в Японии, Южной Корее и Таиланде наблюдалась противоположная тенденция²⁰⁸.

Не исключено, что наблюдаемые явления характеризуют и известную истощенность процесса интернационализации мирового хозяйства (кстати, не вполне "иностраные" инвестиции из Сянгана, сделанные в КНР в 90-е годы, правомерно вычесть из их общего объема поступившего в развивающиеся и "переходные" страны - тогда затухание глобализации по этому показателю станет еще рельефней). Западные ТНК, возможно, уже не получают достаточного уровня прибыли в ходе интернационализации производства. Из-за разницы во внутристрановых базах цен они проигрывают национальным предприятиям там, где эта база находится на относительно низком уровне, и особенно, если последние располагают (и китайский случай особенно иллюстративен) относительно полным циклом производства. К тому же в пользу национальных производителей (в том числе мелких и средних) обычно складывается и ситуация высокой доли на местных

1998. P.39.

²⁰⁷ The Economist. 20.11.1999. P.30.

²⁰⁸ Far Eastern Economic Review. 30.12.1999-06.01.2000. P.110-111.

рынках всевозможных субституты, имитаций и подделок популярных международных марок. Поэтому не стоит исключать, что мир вскоре на время попрощается с риторикой о глобализации, морализацией принципов свободы торговли и т.п., а более популярной идеей станет, например, "глокализация", предусматривающая приспособление доноров к местным условиям принимающих капитал стран, встраивание в их экономику, отказ от навязывания унифицированных норм хозяйственного регулирования²⁰⁹.

Учитывая, что стратегия развития и политика реформ в Китае следовали в общем-то за естественными потребностями роста производительных сил этой страны, а также внимательным изучением опыта соседних стран (а иначе они вряд ли были бы столь успешными), можно предположить, что аналогичные (достаточно консервативные) стратегии станут еще популярнее, будут и дальше приводить к формированию в крупных странах относительно обособленных от мирового хозяйства комплексов - с существенно иными ценовыми, потребительскими, структурными и внутрисистемными характеристиками. Возможно, это в свою очередь будет способствовать спаду глобализации, а очередной цикл мирового развития будет более ориентирован на внутренние рынки. На сей счет применительно к развитым странам уже существует немало прогнозов, подкрепленных эмпирикой наблюдений за ходом циклических процессов в мировой экономике, сменой экстравертных и интровертных стадий в политике отдельных стран. Стоит также упомянуть, что всевозможные сценарии

²⁰⁹ Михеев В.В. Глобализация в понимании зарубежных ученых//

самообеспечения постоянно прорабатывались развитыми государствами в последнее десятилетие.

Вместе с тем стоит отметить факт стремительно нарастающей роли КНР как субъекта глобализации. Субъекта, который, скорее, скрывает свою истинную мощь, чем демонстрирует силу. Влияние Китая проявляется и в том, что недавний кризис в тихоокеанской Азии усиливает государственное вмешательство и индивидуализм большинства правительств в подходах к хозяйству и внешнеэкономической политике. Тому можно было бы привести множество свидетельств из современной жизни континента. Упомяну лишь резко интенсифицировавшиеся государственные интервенции в экономическую жизнь Сянгана, самого либерализованного пятачка азиатского хозяйства.

Некоторая либерализация внешнеэкономических связей в КНР отнюдь не противоречит ведущей роли государства в хозяйстве. Более того, отдельные шаги в сторону большей свободы торговли, например, в ходе предстоящего вступления в ВТО вызывают потребность в новых государственных программах. В частности, по некоторым оценкам, возможное увеличение импорта Китаем ряда сельскохозяйственных товаров (которое, впрочем, вряд ли изменит общую картину высокого уровня самообеспечения в этой сфере) поставит перед правительством задачу поиска новых рабочих мест для 9,6 млн. человек в 2000-2010 гг.²¹⁰

²¹⁰ Ли Шаньтун, Чжай Фань, Сюй Линь. Чжунго цзяжу шицзе маои цзучжи дуй Чжунго цзинцзидэ инсян (Воздействие вступления Китая в ВТО на экономику страны)// Шицзе цзинцзи. 2000. № 2.

Нарастает общность подходов азиатских стран к различным политическим и экономическим проблемам современного мира. В годы кризиса и по мере преодоления его последствий во многих азиатских государствах, в частности, широкое распространение получили всевозможные мобилизационные экономические программы и отдельные мероприятия. Аналоги некоторых из них уже использовались на более ранних стадиях послевоенного хозяйственного развития, а некоторые меры применялись в азиатских странах впервые.

В новых условиях такие инструменты разрабатывались и вводились в действие с учетом изменившейся социальной структуры общества, его психологии, новых ценностных ориентаций и современных возможностей средств коммуникации и массовой информации. При значительной разнице в эффективности тех или иных мероприятий в отдельных странах опыт 1997-1999 гг. оказался в целом удачным, оказав благоприятное воздействие на постепенное преодоление некоторых последствий кризиса - экономических, социальных и, что особенно важно, психологических.

Отмеченные кампании не исчерпывались мобилизацией средств населения на отдельные, наиболее важные в тот или иной момент цели национального развития, например, улучшение внешнего платежного баланса страны, пополнение бюджета за счет недоимок по налогам за прошлые годы (Индия), погашение долгов крупнейших национальных производителей (Южная Корея), ускоренное продвижение общенациональных проектов в автомобилестроении (Малайзия, Индонезия) или резкое расширение приобретения акций местных предприятий с целью увеличения инвестиций (Китай). Мероприятия такого рода включали также

разъяснение населению и деловым кругам необходимости введения тех или иных ограничительных или непопулярных мер, крупных изменений в параметрах макрорегулирования. Особое место заняли кампании "покупай отечественное", борьба с избыточным потреблением импортных предметов роскоши. Кроме того, на общенациональном, региональном и местном уровнях с помощью мобилизационных средств усиливались функционирующие на постоянной основе программы поддержки образования, здравоохранения, культуры, окружающей среды, репатриации квалифицированных кадров. Немалая роль отводилась в указанных мероприятиях связям с зарубежными диаспорами, использованию их возможностей. Большое распространение получили общественные работы, деятельность разного рода добровольческих организаций и т.д. Различного рода мобилизационные стратегии генерировались и на микроуровне.

Ведущая роль государства в экономике КНР, вытекающая из особенностей этой страны, а также стимулируемая некоторыми тенденциями развития международной ситуации имеет в нынешних обстоятельствах тенденцию к усилению, в том числе за счет повышения культуры и эффективности управления народным хозяйством и внешнеэкономическими связями. Благодаря этому страна благополучно обходит многочисленные рифы, кроющиеся в волнах современной мировой экономики.

При этом Китай остается количественно мало втянутым в мировую торговлю, в том числе вследствие кризиса последней и стремительного экономического роста внутри страны. Не обнаруживает тенденции к сближению с уровнем развитых стран и

внутренняя ценовая база страны, более того, в 1997-1999 гг. в КНР наблюдается длительное снижение внутренних цен. Учитывая, что эта страна представляет наиболее динамичную часть современного мирового хозяйства, перспективы роста последнего вновь приходится связывать с производством готовых изделий полностью внутри национальных хозяйств, при возможном относительном усилении роли межотраслевых обменов на мировом рынке.

Кризис, приобретший в 1998 г. все признаки торгового, явственно показал определенную деградацию международного производственного сотрудничества в ЮВВА в его прежнем виде, создавая мощные стимулы к корректировке старых подходов и усилению самообеспечения в рамках национальных хозяйств. При пересчетах по валютным курсам индикаторы доли внешней торговли в ВВП пострадавших от кризиса стран и территорий вроде бы выросли, однако фактически, если оценивать их с точки зрения внутренних производителей, взятых в целом, и в реальном выражении, они стабильны или падают, в том числе из-за распада многих производственных цепочек, ориентированных на внешние рынки.

Китай в этом процессе не только играет роль страны, проводящей политику, альтернативную привычной ориентации на экспорт - а в силу своей массы он существенно влияет на общие показатели, - но все более становится примером, которому начинают следовать другие государства. А ввиду отсутствия объективных возможностей к интеграции в мировую экономику, хозяйство КНР приобретает черты самостоятельной подсистемы (системы) в международном разделении труда. Вдобавок Китай нельзя отнести ни к развивающимся, ни к развитым, ни к "переходным", ни к

"новоиндустриальным", ни к "посткоммунистическим" странам. Существование же столь крупного и целостного образования вне сложившихся классификаций также служит аргументом в пользу отнесения этой страны к отдельной системе.

Ее собственный интегрирующий потенциал, впрочем, пока невелик, географически ограничен и ориентирован в основном на Тайвань, причем без выраженного намерения форсировать процесс экономической и политической консолидации. Существенное отличие КНР от многих стран заключается в ее ориентации на внутреннюю (межкитайскую) интеграцию при достаточно осторожном, селективном, а зачастую и просто негативном подходе к интеграционным процессам в глобальном и даже региональном масштабе.

Похоже, сбываются некоторые прогнозы китайских ученых. Они уже давно сделали вывод о "возвышении Азии". "При общем спаде в мировой экономике, - отмечал, в частности, еще в 1994 г. известный специалист Хэ Фан, - Азия становится движущей силой мирового хозяйства. То, что развитие экономики Азии постепенно ослабляет ее зависимость от США, уже стало реальностью, у нее вполне достаточно сил для самостоятельного развития внутренней экономики". Характерно, что ученый разделяет понятия "Азия" и "АТР"²¹¹. Тем самым *азиатское самообеспечение* обозначается как одна из важных глобальных тенденций XXI века.

Интересно, что схожие мнения относительно перспектив развития азиатской и тихоокеанской экономики высказывают и

²¹¹ Хэ Фан. Проблемы эпохи и роль Азии// Проблемы Дальнего Востока. 1994. ¹ 5. С.156.

некоторые тайваньские специалисты-международники. Один из них, Юн Вэй, отмечая быстрое развитие связей между Тайванем и Китаем в 90-е годы, приходит к заключению о том, что "хотя традиционные взаимосвязи с океаническими нациями остаются важными для Китайской Республики на Тайване, действительной сферой расширения ее отношений с внешним миром является континентальный Китай. В конечном итоге такое расширение будет включать также связи с Россией, Вьетнамом, Северной Кореей и Центральной Азией. Соответственно, для будущего Тайваня необходима смешанная стратегия развития: укрепление отношений с США, Японией, Юго-Восточной Азией и Европой следует дополнить ориентированными в будущее связями с материковым Китаем, Россией и другими странами континентальной Азии. Более того, в отсутствие формальных политических отношений нужно интенсивно налаживать функциональные и социально-экономические связи со всеми этими зонами"²¹².

Как массовое производство современных товаров длительного пользования, так и создание высоких технологий оказались вполне достижимыми в индустриальной системе Китая при относительно низком уровне использования внешних факторов. Это при том, что эффект собственных научно-технических разработок еще только начинает себя проявлять. В стране достаточно средств, чтобы поддерживать перспективные направления. На "низших" этажах промышленной структуры накоплен богатый

²¹² Yung Wei. From "Multi-System Nations" to "Linkage Communities": a New Conceptual Scheme for Integration of Divided Nations// Occasional Papers/Reprint Series in Contemporary Asian Studies. Baltimore (USA): University of Maryland School of Law. 1998. No 1. P.28.

опыт относительно несложных и экономичных технологий, представляющих интерес для малого и среднего предпринимательства в других странах.

Китай понемногу начинает индустриальное возрождение некоторых пространств за пределами своей территории. В ряд стран Африки уже переносятся производства, не вполне удовлетворяющие нынешнему уровню средней технической вооруженности экономики КНР. В Венгрии только в 1997 г. создано около 800 совместных предприятий с китайским участием. Впрочем, основными торговыми партнерами и рынками сбыта КНР остаются развитые страны. А взаимодействие с ними пока никак не может складываться на основе теорий свободы торговли, сравнительных издержек и производных в силу значительных различий в уровнях внутренних цен. В результате сохраняются все предпосылки для ведущей роли государства во внешнеэкономических связях страны - политической, организационной и непосредственной.

Парадоксальность положения заключается в том, что усиление государственного вмешательства во внешнеэкономическую сферу, наблюдаемое теперь в Азии (да и не только в Азии), удивительным образом оборачивается к еще одной выгоде Китая, сохранившего государственные монополии в этой области. Дело в том, что нарастание кризиса сбыта в мировом хозяйстве может привести к неожиданной ситуации: все более протекционистскому Западу будет противостоять все более "фритредерский" Китай; стратегическая инициатива свободы торговли и соответствующей риторики будет переходить и уже в ряде случаев переходит к нему. С другой стороны, стоит повторить,

что КНР и раньше и теперь важнее защищать внутренний рынок, поскольку там есть более динамичный рост, чем в других странах.

Скорее всего, Китай продолжит искусные маневры в экономических отношениях с развитыми странами на сугубо двусторонней основе, косвенно способствуя усилению роли национальных государств и определенной дискредитации, ослаблению функциональной дееспособности международных институтов, построенных на идее свободы торговли, - ВТО, АТЭС и пр. Во всяком случае в силу своих масштабов, а также резко выросших в 90-е годы масштабов взаимодействия с иностранным капиталом это государство оказывает все большее воздействие на формирование действительных правил игры в международных экономических отношениях.

В этих условиях для России не очень актуально сотрудничество с Китаем в рамках "азиатско-тихоокеанской кооперации". Когда-то казавшаяся укрепляющейся, но ныне достаточно неопределенная общность "АТР" оттеснила на задний план в российской политике континентальный и собственно двусторонний аспект отношений с мощным азиатским соседом. Учитывая преимущественно внутренний характер стоящих перед Китаем проблем, соответствующую объективную направленность его долгосрочных планов развития северных и западных районов, важно, помимо прочих сфер сотрудничества, развивать именно внутриконтинентальную направленность наших связей и взаимодействий в Азии.

Возникновение по соседству с Россией новой системы мирового хозяйства требует специальной проработки целого круга проблем. Остановлюсь бегло на некоторых из них.

Очевидно, что одна из важных целей для России - индустриальное, научно-техническое сотрудничество с Китаем, в том числе с участием ВПК.

Несомненна потребность России в особых отношениях с КНР, вытекающая не только из географической близости и общности некоторых уровней и социально-исторических параметров, но и из новой роли этой страны в международном разделении труда. Однако специфику таких отношений не следует непременно связывать с расширением масштабов двустороннего сотрудничества в ближайшем будущем - тем более, что ряд традиционных рынков сбыта российские компании в последние годы проигрывают (приложения, табл. 30, 31), а доля России во внешней торговле КНР при нынешнем характере обменов невысока и снижается: в 1997-1999 гг. по экспорту с 1,1% до 0,8%, импорту - с 2,9% до 2,5%. К тому же слишком тесное взаимодействие с китайским хозяйством на принципах свободы торговли представляет известную проблему для РФ - вследствие высокой конкурентоспособности (в том числе ценовой) экономики Китая. Куда важнее качественные аспекты кооперации, быть может, обоюдное укрепление индивидуального самообеспечения. Китайский хозяйственный и особенно внешнеэкономический опыт представляет немалый интерес - в той части, которая актуальна для предельно упростившихся задач восстановления хозяйственной системы в России. Но это не столько опыт открытия, сколько достижения в самообеспечении - в том числе путем использования современных внешнеэкономических инструментов.

Для некоторых других крупных стран (Индонезия, Россия, Бразилия) успехи Китая в самообеспечении - вызов, заставляющий

задуматься об оптимальной мере собственной вовлеченности в мировое хозяйство. Целесообразность ряда пунктов в национальных стратегиях, включая высокую степень открытости внутренних финансовых рынков, низкий уровень государственного контроля за развитием внешнеэкономических связей, акцентированный упор на привлечение зарубежных инвестиций и постоянное улучшение инвестиционного климата, оказывается под вопросом при внимательном изучении опыта "открытой политики" КНР и ее нынешних тенденций.

Не менее важно для соседей Китая - определить стратегию непосредственного взаимодействия с этой страной. Сам факт системности хозяйства КНР может подразумевать ориентацию не столько на рост масштабов сотрудничества, сколько, опять-таки, обоюдное укрепление самообеспечения - хозяйства, науки и техники, обороны и т.д. - то есть фактическое расширение ареала многополюсности современного мира, объективно выгодной относительно слабым странам. В среднесрочной перспективе интересам России, как справедливо отмечают Л.З.Зевин и Н.А.Ушакова, отвечает идея "умеренного изоляционизма"²¹³. Не противоречит такой стратегии и стимулирование коллективной опоры на собственные силы в рамках двусторонних, многосторонних и региональных объединений, преимущественное внимание связям с Азией.

²¹³ Зевин Л.З., Ушакова Н.А. Азиатский вектор внешнеэкономической стратегии России// Восток. 1998. ¹ 6. С.37.

Сближение уровней социально-экономического развития России и Китая, происходившее в 90-е годы, однопорядковость макроэкономических индикаторов в расчете на душу населения, размеры хозяйств и, что самое главное, незавершенность индустриальной стадии эволюции в обеих странах объективно способствуют нарастанию общности в подходах России и КНР к основным проблемам "постиндустриального" мира.

Бесхитростное открытие внутреннего рынка России на рубеже 80-90-х годов стало, по мнению многих, одной из главных причин последовавшего упадка ее хозяйства. Соответственно, вопрос о сохранении последнего как целостности, а не просто слабого придатка мировой экономики находится среди постоянно дискутируемых экономистами тем. Можно с некоторой степенью условности обозначить участников этой полемики как фритредров и протекционистов и заметить, что позиции последних имеют тенденцию к усилению - и не только в виде риторики о горькой участи "отечественного производителя". Августовская девальвация 1998 г. создала некоторый слой людей, практически ощутивших выгоды хотя бы курсовой защиты внутреннего рынка.

В этих условиях, быть может, стоит еще раз обратиться к китайскому внешнеэкономическому опыту последних двух десятилетий, прежде всего имея в виду механизмы обеспечения интересов отечественных производителей и защиты внутреннего рынка. Поскольку Китай во внешнеэкономической сфере в технике и квалификации опережал СССР перед последним десятилетием XX века, его опыт 80-х годов для нас по-прежнему актуален.

При всей разнице в структуре экономики Россию и Китай объединяет необходимость в достижении высоких темпов обычного

роста, то есть роста производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, и достаточно туманная перспектива расширения сбыта в развитых странах. Вероятное усиление ориентации Китая на внутренний, континентальный, рынок выглядит мощным стимулом для двустороннего сотрудничества в будущем, которое может стать важным элементом возрождения производительных сил ряда регионов России, исторически формировавшихся в парадигме "освоения", "масштаба", "заделов на будущее" и т.п.

Стратегическое партнерство с Китаем останется пустым лозунгом без подведения под него адекватной хозяйственной базы, которая могла бы включать проработку идей коллективного самообеспечения, совместного укрепления экономической и военной безопасности малых азиатских партнеров, повышения индивидуальной технологической самостоятельности, организации разнообразных форм взаимодействия на многосторонней товарообменной (смешанной) основе. Напрашивается, в частности, мысль о возобновлении использования - на этот раз в отношениях с Китаем, а возможно, и другими азиатскими государствами - такого экономического инструмента как переводной рубль (юань).

Помимо крупных межгосударственных программ, способствующих в том числе и внутренней территориально-экономической интеграции в обеих странах, помимо создания крупных совместных аналогов ТНК (например, в гражданском авиастроении, добывающей промышленности и т.д.), в сотрудничестве с Китаем можно было бы оживить и некоторые "архаичные" формы. В условиях низкой ликвидности в Азии, кстати, все большее распространение получает хорошо знакомый нам

бартер. Так, в мае 1997 г. в Гонконге создана фирма "Pacific Barter" ("PB"), занимающаяся обменом товарами и услугами на основе компьютерной сети. Для участников обменов предусмотрено начисление на счета условных долларов за поставку их продукции до появления интересующего их товара (если последнего нет в данный момент). Средний объем сделок - 25 тыс.долл. Среди клиентов "PB" есть достаточно крупные компании, например, "Acer" (тайваньский производитель компьютеров), "Hertz International" и др.

Важно, что представление китайцев о предпосылках международного сотрудничества в Азии базируется на идее гетерогенности этого пространства. В качестве примера приведу выдержку из выступления председателя Госкомитетов по науке и технике и по экологии Сун Цзяня на симпозиуме, посвященному трансконтинентальному мосту "Европа - Азия" (Пекин, май 1996 г.): "Необходимо идентифицировать экономическое развитие как приоритет и при этом уважать национальную специфику. Разные страны вдоль моста отличаются в культурах, обычаях и религиях, имеют разные политические и экономические системы, разные уровни развития, обеспечивая тем самым будущую динамику и перспективу сотрудничества". Схожую точку зрения мне также приходилось высказывать²¹⁴.

²¹⁴ The Eurasian Land-Bridge. By Dr. Jonathan Tennenbaum et al. Executive Intelligence Review special report. January 1997. EIR News Service Inc. P.35; Fisyukov V., Salitsky A. Central Asia: Towards Ethnic Harmony Through Openness and Reform?// Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum. Ed.by R.Azizian and Zhang Yongjin. L.: Macmillan Press Ltd., 1998. P.166-179.

В заключение необходимо сказать несколько слов об одном термине, который почти не использовался в настоящей работе и не был предметом специального рассмотрения. Я имею в виду понятие "реформы". В краткой формулировке мой взгляд на реформы в Китае сводится к следующему: стратегически и инструментально они состоялись и, если иметь в виду сами методы и алгоритмы преобразований, а также их немаловажную психологическую сторону, - успешно завершились в 80-е годы, в том числе во внешнеэкономической области. В 90-е годы шло нормальное развитие (включавшее, естественно, продолжение реформирования) на основе оправдавших себя принципов и с использованием наработанных в предыдущем десятилетии способов осуществления этого движения. Оно в дальнейшем, скорее всего, будет протекать еще более плавно, сохраняя возвратно-поступательные ритмы. Помимо внутренней ситуации, ни положение в так называемых переходных странах, ни последствия валютно-финансового кризиса в ЮВВА не располагают Пекин на исходе XX в. к форсированию реформ, ускорениям в "либерализации" и открытии экономики.

Замеченный многими ведущими учеными рост значения политических факторов в мировой экономике, происходивший в 90-е годы, оказался к выгоде Китая, уделявшего им исключительно большое внимание. Яркой иллюстрацией приобретений, совершенных на основе точного анализа международной обстановки, кропотливой и активной внешнеполитической деятельности, является восстановление китайского суверенитета над Сянганом - крупнейшим и наиболее чисто выраженным постиндустриальным анклавом в Азии - с сохранением и даже

усилением всех его информационно-маркетинговых и финансовых функций в хозяйстве Китая. В результате системность экономики КНР приобрела в 1997 г. еще более законченный вид.

Справедлива, на мой взгляд, и такая формулировка: именно внешнеэкономический курс КНР, а точнее, его своевременная корректировка в рамках общего уточнения обновленной парадигмы развития в середине 80-х годов, обеспечил Пекину разветвленные, сравнительно дешевые и, вдобавок, постоянно расширяющиеся каналы получения реальных плодов глобализации.

Следует, впрочем, заметить, что глобализация не признается в китайской политике главным, исключительным или постоянно усиливающимся свойством современного западного мира. Технологическая и информационная революция, скорее, воспринимаются в нынешнем Китае в качестве одной из многих и привычных черт развитых стран и, что существенно, вполне достижимой стадией собственного развития. Парадоксально, но значение научно-технических вопросов, проблем, связанных с передачей технологий и т.п., в течение последних двадцати лет формально даже несколько убывало в диалогах Пекина с развитыми странами - по мере роста технологической самостоятельности хозяйства Китая и практического освоения многообразных способов приобретения зарубежного технического опыта.

Центральное место во взаимоотношениях с развитыми государствами занимали и продолжают занимать политические вопросы, соответствующие разработки Пекина. Они оказались достаточными для построения вполне удовлетворительных и равноправных отношений с лидерами постиндустриального мира.

Стратегия и политика еще долго сохранят главенствующее место в отношениях Китая с США, хотя бы из-за тайваньской проблемы.

Китайский опыт хорошо показывает вздорность или откровенно конъюнктурный характер тезиса о слабеющей экономической роли государства в ходе глобализации. Тенденция эта, конечно, часто подается в преувеличенном виде, отнюдь не универсальна и охватывает лишь развитый мир (а куда больше - "переходные" страны), да и то с определенными оговорками - в связи с регионализацией и частичным замещением национальных институтов региональными, наднациональными (приложения, табл. 27). В остальных же странах проблематичность полноценной для национальной экономики мирохозяйственной интеграции оставляет для государства еще слишком много внешнеэкономических проблем, чтобы говорить об объективной потребности к ослаблению этой роли. Тем более, что региональная интеграция, развернувшаяся в Азии и Латинской Америке, еще очень далека от завершения, испытывает сейчас огромные трудности, в свою очередь, требуя от национальных правительств значительного вмешательства в ход событий. Регионализация в китайском случае (интеграция массива и территорий) отчетливо демонстрирует, сколь гигантская роль принадлежит в этом процессе государству. С наметившимся затуханием глобализации в мирохозяйственной области и в других странах экономическая роль государства имеет и, вероятно, будет иметь тенденцию к усилению.

Из положения хозяйства Китая в мировой экономике как обособленной системы и кризиса в ЮВВА в 1997-1998 гг. следуют довольно простые выводы. Во-первых, системное и

постиндустриальное качества хозяйства (если под последним иметь в виду научно-техническое и информационное обеспечение развития) принципиально достижимы в современных условиях и, возможно, повторимо и перспективно в других очень крупных странах или группах соседних стран. Ничего сверхъестественного в экономике и политике Пекина в последние десятилетия не наблюдалось, а продолжающийся почти четверть века динамичный рост был начат из очень тяжелого положения. Стратегия самообеспечения в принципе вполне сочетаема с политикой интенсификации внешнеэкономических связей, крупными научно-техническими и информационными приобретениями, а цели адаптации к внешнему рынку могут иметь большее значение, чем задачи интеграции в него - последний процесс для крупных стран, вероятно, уже не очень возможен в ближайшей перспективе - в том числе в связи с депрессивным состоянием мирового хозяйства в целом.